

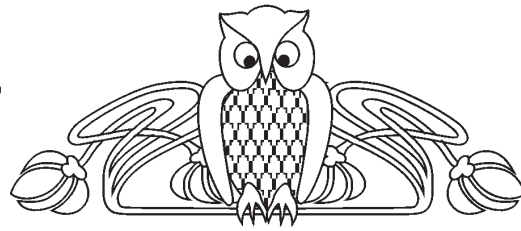

УДК 821.161.1.09-31-95+929[Гончаров+Ахшарумов]

Н. Д. АХШАРУМОВ О РОМАНЕ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»

Н. В. Володина

Череповецкий государственный университет
E-mail: natalivolodina@mail.ru

Статья посвящена оценке романа И. А. Гончарова «Обломов» критиком середины XIX в. Н. Д. Ахшарумовым. Его работы, в том числе статья о Гончарове, практически забыты филологической наукой. В то же время реакция Ахшарумова на заметные явления современного ему литературного процесса существенно дополняет картину литературной жизни эпохи.

Ключевые слова: национальное бытие, архетипический характер, эстетический анализ, аналитичность мышления, беллетризация повествования.

N. D. Akhsharumov on the Novel by I. A. Goncharov *Oblomov*

N. V. Volodina

The article deals with the evaluation of I. A. Goncharov's novel *Oblomov* by the XIXth century critic N. D. Akhsharumov. His works, the article on Goncharov among them, have been nearly forgotten by the philological science. However, Akhsharumov's reaction to the significant events of contemporary literary process adds fundamentally to the picture of the epoch's literary life.

Key words: national reality, archetypal character, aesthetic analysis, analyticity of thinking, fictionalization of narration.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-1-58-63

Реакция современной автору критики на его новое произведение всегда важна как факт непосредственного восприятия, когда это произведение еще не приобрело статуса классики, когда еще не заданы векторы его изучения и не сложились читательские и исследовательские стереотипы. Однако высокая оценка критикой романа И. А. Гончарова «Обломов» (независимо от содержания этой оценки) была во многом предопределена читательскими ожиданиями и быстрым успехом романа. Как свидетельствует А. В. Дружинин, «Обломов» победоносно захватил собою все страсти, все внимание, все помыслы читателей»¹.

На этом фоне куда более сдержанной и «критичной» (по своему пафосу) является статья Н. Д. Ахшарумова² «Обломов. Роман И. А. Гончарова. 1859» («Русский вестник». 1860. Т. 25), представляющая собой, как и большинство его работ, монографическую рецензию. Ахшарумов публикует ее вскоре после выхода романа, когда он только еще начинает обсуждаться в печати. Отзвуков этих критических суждений в работе Ахшарумова почти нет, что, впрочем, тоже свойственно его критической манере. Это сугубо личный взгляд на литературное произведение, не предполагающий ссылки на единомышленников или

оппонентов. Критическая манера Ахшарумова в этом плане близка тому, что позднее будет названо феноменологической критикой. Правда, статья начинается скрытой полемикой с Н. А. Добролюбовым, публицистической критикой, или, как иронически замечает Ахшарумов, с «медико-хирургическим департаментом нашей литературы» (имеется в виду революционно-демократическая публицистика), которым «уже объявлена была автору благодарность за то, что он первый открыл истинный корень одной из самых важнейших отраслей нашего русского, общественного недуга, – открыл и предложил врачевание»³.

Элемент полемики в начале статьи нужен Ахшарумову для постановки вопроса, который формирует весь дальнейший ход рассуждений критика: «Можно ли назвать эту черту недугом, и должно ли лечить нас от него предложенным медикаментом?» (600). В отличие от Добролюбова, его «реальной критики», которую роман Гончарова интересовал, прежде всего, как отражение современной общественной жизни, обличение социальных пороков русской действительности, Ахшарумов рассматривает «Обломова» как произведение, в котором получают художественное осмысление коренные проблемы национального бытия, и одновременно как эстетическое явление. Он оценивает роман «Обломов» не только как литературный критик, но и как писатель (характерная особенность его метода⁴), рассуждающий по поводу тех же проблем, что и Гончаров. Такая «погруженность» в текст позволяет Ахшарумову самому создавать художественные образы, рожденные на материале романа Гончарова. В его видении произведения важную роль играют метафоризация и ассоциативность, элемент воображения (но не произвольного домысливания), наиболее характерные именно для творческого мышления. Вместе с тем существенное место в статье занимают аналитическая составляющая и развернутая система аргументации, концептуальный пересказ текста и обширное цитирование, наконец, регулярно возникающие обобщения.

Ахшарумов воспринимает главного героя романа, прежде всего, в контексте русской национальной жизни и ментальности, вне его прямой соотнесенности с современной эпохой. Отсюда – развернутый разговор о «наших предках», их отношении к жизни и проч. Совершая мысленный экскурс в прошлое, критик рисует, по сути, идил-

лическую картину жизни этих предков, лишённую конкретных социальных или временных признаков. Он приходит к заключению, что «наши деды и прадеды были, конечно, не глупее нас, а столько из них прожили век без тревог, не трудились и не волновались, и не ломали своей головы, и на руках мозолей не натерали, а были сыты и были одеты, и жили себе припеваючи, мирно, спокойно, как у Христа за пазухой» (600).

Ключевой вопрос, который возникает при этом в размышлениях критика, – это вопрос о роли труда как обязательного условия их благополучия и спокойствия, ибо упреки в инертности и лени – главное обвинение, которое прочитывается в адрес Обломова в самом романе и первых откликах критики. Формально соглашаясь с подобными упреками, Ахшарумов цитирует многочисленные скептические суждения самого героя по поводу необходимости какой-либо деятельности, например: «Вот считаешь о французах, об англичанах: будто они все работают, будто все дело на уме! Ездят себе по всей Европе, иные даже в Азию и в Африку, так, без всякого дела: кто рисовать альбом или древности откапывать, кто стрелять львов или змей ловить. Не то, так дома сидят в благородной праздности; завтракают, обедают с приятелями, с женщинами – вот и все дело! Что ж я за каторжник? Андрей только выдумал: “Работай да работай, как лошадь!” К чему? Я сыт, одет...» (610). Критик, несомненно, разделяет авторскую иронию, ибо и в его собственных характеристиках героя она тоже присутствует: «Вот, например, Обломов – был добрый и очень неглупый человек, и всю жизнь стремился к безмятежному быту дедов, к которому имел от природы необыкновенные дарования, как-то: младенческую простоту души и младенческое смирение мысли, журавлиный желудок и способность спать, как сурок, во всякое время дня или ночи...» (601).

Вместе с тем отношение Ахшарумова к Обломову и его идеалу жизни далеко не однозначно. Не случайно он уже в начале статьи с сочувствием замечает, что Гончаров «воспел» обломовщину с «поэтическим жаром» (602). Автора статьи интересует по преимуществу нравственно-психологическая проблема, связанная с подобной жизненной позицией. Вопреки традиционному положительному ответу на вопрос о необходимости труда как обязательного компонента полноценного существования человека, критик приходит к парадоксальному выводу о том, что «труд как конечная цель немногим более имеет права на наше уважение, чем обломовский отдых или покой; потому что как то, так и другое в смысле конечной цели, может клониться только к личному удовольствию, а в деле личного удовольствия один вкус остается верховным судьей, и решение его, в какую бы сторону они ни было произнесено, проходит без апелляции» (605). «Конечная цель» в данном контексте означает «самоцель», которая не предполагает понимания того, во имя чего человек

трудится или же каково содержание этого труда. Учтем при этом, что сам Ахшарумов, всю свою жизнь занимаясь литературным трудом, проведя несколько лет на службе, явно выбрал другой, не обломовский вариант собственного пути; но здесь он отвлекается от личного опыта, не настаивает на безоговорочно правильной точке зрения и стремится быть предельно объективным. При этом он опирается как на сам роман, так и на традиции национальной культуры, в рамках которой он рассматривает Обломова как определенный тип национального характера, где подобное отношение к труду (как чему-то тягостному – в физическом и моральном смысле) не обязательно зависит от социального положения человека.

Доказывая это, критик обращается к эпизоду «Сон Обломова», к сказкам, которые слышал Обломов от няньки, «где все совершаются чудеса, где текут реки меду и молока, где никто ничего круглый год не делает» (605). Русский фольклор (пословицы и поговорки, сказки) действительно сохранил двойственность народных представлений о труде – как его благотворной роли, так и обременительной. Любимым персонажем этих сказок является крестьянин Емеля-дурачок, рассматриваемый Ахшарумовым, по сути, как архетипический характер. Для критика главный герой романа Гончарова – это вариант Емели-дурачка, с его идеалом сытой и спокойной жизни, наделенный теми же чертами характера, хотя и более развитый: «Молочные и медовые реки, конечно, не текут у его ног, но дело совсем не в реках, а в том, что лакомый глоток всегда доставался ему даром, а там, из реки ли он его почерпал, или из дедовской кладовой, – не все ли равно?» (605). Привлекательность подобного типа человека для Ахшарумова состоит в том, что «в нем нет загадок и недоразумений и разных искусственных, извилистых построений психологической архитектуры: в нем все доступно и удобопонятно в самом зародыше» (604); что он «в сущности, так же прост и безобиден, как и тот (Емеля. – Н. В.), и наделен такими же простыми желаниями» (605).

Само явление обломовщины тоже приобретает в трактовке Ахшарумова архетипический, мифологизированный характер: «Да, был у нас на Руси золотой век того, что г. Гончаров называет *обломовщиной*, и прошел этот век, прошел невозвратно. Представители его, эти витязи стола и постели, закованные безвыходно в непроницаемую броню своих ватных халатов, со взором, печально, но неуклонно устремленным к минувшему, встречаются еще там и сям в рядах нового поколения; но и они уже как-то свихнулись со своей колеи, как-то стыдятся благого света. Как Израиль в вавилонском плену, они лежат где-нибудь в Гороховой, или Вознесенской, или в других подобных муравейниках, лежат, одолеваемые со всех сторон копотливой суетой, не дающею им уснуть и полсутков сряду; лежат на спине и в тяжелой дремоте мечтают о своей милой *Обломовке*» (602). В характеристике

Ахшарумовым обломовщины тоже присутствуют как сочувствие, так и легкая ирония. Это один из многочисленных фрагментов статьи, демонстрирующий прямое влияние художественного мышления Ахшарумова на стиль, форму выражения его критических суждений. Так, развернутая метафора, характеризующая обломовцев: «витязи стола и постели...», – создает обобщенный портрет человека обломовского типа. Образ в критике вторичен по сравнению с образами собственно литературными, ибо возникает на их основе, но в то же время дополняет, развивает, интерпретирует их. Конечно, критика неизбежно испытывает влияние художественного творчества; более того, «критик, – как писал Ап. Григорьев, – ...есть половина художника, может быть, даже в своем роде тоже художник, но у которого судящая, анализирующая сила перевешивает силу творящую»⁵. Для критики Н. Д. Ахшарумова это тем более характерно, ибо он был популярным беллетристом и, как показывает С. Ю. Лаврова, «одной из элитарных языковых личностей второй половины XIX века»⁶.

Рассматривая Обломова как тип национального характера, Ахшарумов одновременно учитывает социальный статус героя, который тоже объясняет его отношение к труду: «Да, с его точки зрения, с точки зрения барина, имеющего триста душ, жизнь и труд не могли совпадать синонимически, как совпадали они в понятиях Штольца. Труд для него отродясь существовал как нечто внешнее и случайное, как средство, годное для неимущего, а для имущего – лишнее. Он не был мечтатель, идеалист, он видел жизнь, как она есть; а так, как есть, для русского барина, она действительно не содержит в себе труда, как необходимого элемента; напротив, все в ней устроено и прилажено так, чтоб избавить барина от труда до последней возможности» (610).

Эта жизненная позиция, как уже отмечалось, отнюдь не вызывает сочувствия Ахшарумова, но представляется ему вполне логичной и понятной применительно к «русскому дворянину, этому родовому трутню и дармоеду, никогда во всю жизнь не рассчитывающему ничего вперед» (609). В подобных суждениях Ахшарумова об Обломове отсутствуют обличительные интонации, столь свойственные Добролюбову, ибо в рассуждениях Обломова он видит здравый смысл и реалистический взгляд на вещи. Это и приводит критика к заключению, что «Обломов, по-своему, то есть как Обломов, был совершенно прав, спрашивая с удивлением у Штольца: Да из чего же он бьется, если цель его – не обеспечить себя навсегда и удалиться потом на покой, отдохнуть?..» (610). Как выясняется в дальнейшем из романа, Обломов оказался совершенно прав в своих прогнозах.

Очевидно, идеал покоя и благополучия, возможность получать и чувствовать удовольствие от жизни, о которых мечтает Обломов, в своем инварианте связаны не только с русской национальной традицией, закрепленной в фольклоре,

но и с европейской. Так, согласно эпикурейской философии, счастье – это спокойная жизнь, лишённая душевных и физических страданий, где «наслаждение есть конечная цель...»⁷. Конечно, это суждение древнегреческого философа – не аналог обломовского идеала, но само содержание столь серьезной нравственно-философской проблемы подчеркивает ее общечеловеческий характер.

Вопрос о необходимости труда или деятельности – один из традиционных вопросов, возникших как в сознании русской интеллигенции, определенной части дворянства, так и в сознании героев русских писателей XIX в. В отличие от западно-европейской литературы с ее идеалом «делового человека», русская литература настойчиво стремилась найти для своего героя дело, которое не исчерпывалось бы практическим смыслом и – тем более – получением дохода. Однако контуры такого «дела», как правило, оказывались размытыми, и сама неопределенность желаний героя являлась одним из главных источников его душевного разлада. Характерно в этом плане, например, признание Владимира Бельтова из романа А. И. Герцена «Кто виноват?». Это признание возникает в разговоре с доктором Круповым, который уверяет своего молодого приятеля, что его скука от праздности и обеспеченности, позволяющей ему безбедно жить, не занимаясь каким-либо делом. «Помилуйте, Семен Иванович, – возражает Бельтов, – неужели Вы думаете, что, кроме голода, нет довольно сильного побуждения на труд? Да просто желание обнаружиться, высказаться заставит трудиться. Я из одного хлеба, напротив, не стал бы работать»⁸. Такая потребность в какой-то мере свойственна и Обломову, хотя идеал безмятежной и благополучной жизни побеждает в его сознании.

Ахшарумов оценивает Обломова не только как исконного типа русской жизни, но и как литературного персонажа; и оба эти плана постоянно пересекаются в статье, накладываются друг на друга. Критик признает в Обломове несомненную художественную удачу Гончарова, словно заручаясь при этом поддержкой читателя. «В лице его, – пишет Ахшарумов, – он видит нечто, по крайней мере, сделанное из живого материала, нечто самородное и положительное» (603). Речь идет не только о достоверности характера Обломова, соответствии его русской жизни, но также об его художественной правде. В статье Ахшарумова звучит мысль, близкая идее Ап. Григорьева о «рожденных» и «сделанных», «головных» произведениях и образах. Одно из главных художественных открытий Гончарова Ахшарумов находит в том, что он изобразил Обломова как «самородного реалиста», со всеми его противоречиями и слабостями, смешного и по-своему трогательного. Рассуждения Ахшарумова о художественном мастерстве автора в изображении главного героя, как это в целом свойственно его статье, носят «беллетристический» характер. Однако они позволяют сделать совершенно определенные выводы: при отсутствии, казалось бы, всякой пред-

расположенности Обломова к испытаниям, страстям, конфликтам писатель ставит его в ситуацию, когда он вынужден действовать вопреки себе, «в драматической обстановке, в геройской борьбе с роковыми противоречиями» (603). «В этой борьбе, – пишет критик, – герой погибает, а истинные враги его и мнимые друзья торжествуют свою победу; но сердце читателя невольно склоняется на сторону побежденного» (603). Романтический пафос этого заключения оказывается несколько неожиданным для характеристики Обломова и позволяет взглянуть на него как на трагического героя.

В приведенной цитате речь идет об Андрее Штольце и Ольге Ильинской – персонажах, которые вызывают последовательное неприятие Ахшарумова – прежде всего, с точки зрения их человеческих качеств, их роли в судьбе Обломова. Кроме того, критик считает, что эти герои являются творческой неудачей Гончарова, схематичным решением авторской задачи – создать альтернативу Обломову. Ахшарумов тоже рассматривает их в контексте русской национальной жизни и настойчиво подчеркивает несовместимость того и другого с русскими традициями, ментальностью, бытом, культурой, как «пришлый, чужой элемент, искусственно вмешанный в русскую жизнь, под предлогом цивилизации, и быстро ее разлагающий» (603).

Критик, несомненно, понимает ограниченность и уязвимость утопического идеала главного героя и признает актуальность, востребованность «идеи» Штольца. Более того, «как дети своего времени, – признается Ахшарумов, – мы сами ею заражены, а потому, насколько дело идет об отвлеченной оценке принципа, готовы отдать ей предпочтение перед обломовским идеалом, который на наш вкус уже несколько устарел» (603). Однако Ахшарумов постоянно соотносит идеи, которыми руководствуется Штолец, с русской действительностью и видит их несовпадение: «...если от чисто теоретической оценки этих идей мы перейдем к той силе воплощения, которую они имеют в нашем быту, и разные степени которой так резко делятся друг от друга в романе г. Гончарова, то мы должны будем отложить в сторону всякое отвлеченное суждение о достоинстве принципа и сказать, что наша отечественная стихия в образе Обломова одерживает решительную и блестящую победу над вялыми, космополитическими идеалами Ольги и Штольца» (603–604).

Не замечая (сознательно?) двойственного авторского отношения к Штольцу, Ахшарумов настаивает на его (как и Ольги) роковой роли в судьбе Обломова: «Ольга и Штолец с компаньею будут тревожить, мучить, преследовать ее (душу Обломова. – Н. В.) до гроба. Вот что значит дать волю немцам и пойти по их следам!» (602). Антизападническая позиция критика все время дает о себе знать, особенно когда речь идет о Штольце. Не случайно психологический портрет отца Андрея Штольца носит едва ли не сатирический характер: «Человек – выходец, космополит, существо

бездомное и безродное, ограниченное, тупое, не привязанное ни к чему, кроме ежедневного барыша и заработка, – рутинер, с головой, устроенною наподобие швейцарских деревянных часов. Система – прямая линейка, протянутая от немецкого филистера и шписсбюргера, у которого всякий шаг, минута и копейка рассчитаны на сорок лет вперед, у которого каждый глоток картофеля заработан в поте лица...» (609). Определение «филистер» не раз будет повторяться в статье и по отношению к его сыну. Оно употребляется критиком практически в его прямом значении («человек с узким обывательским, мещанским кругозором и ханжеским поведением»⁹), хотя Ахшарумов уточняет, что филистер совсем не обязательно лишен цивилизационных признаков: «Да и в самом деле, если подумать, то отчего же филистеру не любить музыки, не быть знакомым с картинными галереями и не побывать раза два в год в каком-нибудь княжеском доме, парке, саде или будуаре?...» (613).

От нравственно-психологической и «поведенческой» характеристики Штольца Ахшарумов постоянно переходит к его оценке как литературного героя. И если образ Обломова представляется ему органичным художественным явлением, то Штолец «не сотворен, а придуман»; он «не более как проект человека в современном вкусе, теоретический свидетель, не одетый ни телом, ни кожей, скелет, отдельные косточки которого связаны ниткой, современной тенденции, и концы этой нитки так и торчат во всех сочленениях» (614). Критик имеет в виду схематичность, «неопределенность» внутреннего мира героя, непонятный характер его деятельности и т. д. Ахшарумов приводит этому множество доказательств, цитируя, пересказывая и интерпретируя текст, хотя обобщениям (как это свойственно его критическому методу в целом) он отдает предпочтение перед накоплением фактов. Приведем характерный пример такого рода обобщений: «Издали посмотреть, как полна покажется его жизнь! Труды и заботы, обширные предприятия и затем беспрестанные поездки то в Крым, то в Париж, то в Лондон или Швейцарию, и поездки не так, для забавы, а с самыми сложными целями; далее: дружба, любовь, сердечные отношения к женщине до брака и после брака, наука, торговля, прогресс, музыка, цветы и книги, проекты, планы и счета; клеенчатый плащ, замшевые рукавицы и личные сапоги с толстыми подошвами на железных гвоздях как символ тяжелого чернорабочего труда, с одной стороны, а с другой – щегольской фрак из тонкого сукна и тонкие голландские рубашки как символ джентльмена и светского человека; словом, все интересы жизни как будто назначили в нем себе общее rendez-vous; но подойдите поближе и взгляните попристальнее, и вы увидите, что все это пух, воздушные замки, построенные на кредитах из пены мнимого противоречия, мираж, возникающий в жаркую пору полудня на горизонте пустынной Обломовки, рефлексия мысли,

раздраженной обломовщиною и освобождающей себя от нее в виде олицетворенного, но химерического контраста» (616). Подобные обобщенные характеристики, как правило, представлены развернутыми синтаксическими конструкциями, включающими в себя номинативное перечисление признаков и действий персонажа и подведение итогов. По сути, Ахшарумов создает «свой», развернутый образ литературного героя; «свой» в том смысле, что он основан на ассоциативном отборе, метафоризации, выстраивании и приведении в определенную систему «разбросанных» по всему тексту авторских характеристик Штольца.

Главный просчет писателя Ахшарумов видит в том, что Штолец был задуман исключительно как полная противоположность Обломову, однако он проигрывает главному герою не только как собственно художественный образ. Ахшарумов считает, что сама «идея» Штольца в конечном итоге не отличается от обломовского идеала спокойной, обеспеченной жизни. «Расходясь с Обломовым как чистейшее его отрицание, – пишет критик, – Штолец совершает гигантские подвиги, проходит моря и горы, а оканчивает все-таки тем, что приходит к прототипу *обломовщины*, то есть к такому положению в жизни, в котором остается только *жить-поживать, да детей наживать*» (621).

Кстати, художественную неубедительность, даже «необязательность» образа этого героя отмечал не только Ахшарумов. Так, А. В. Дружинин, гораздо более снисходительно оценивающий Штольца, пишет: «Одним из представителей этой излишней роскоши является нам Штолец, которым, как кажется, недовольны многие из почитателей г. Гончарова. <...> Создание Ольги далеко оттеснило Штольца и его значение в романе. Уяснение через резкую противоположность двух несходных мужских характеров стало ненужным: сухой неблагодарный контраст заменился драмой, полною любви, слез, смеха и жалости. За Штольцом осталось только некоторое участие в механическом ходе всей интриги, да еще его беспредельная любовь к особе Обломова, в какой, впрочем, у него много соперников»¹⁰.

Иначе – с несомненным сочувствием – критика 1860-х гг., независимо от ее «направления» (Н. А. Добролюбов, А. В. Дружинин), отнеслась к Ольге Ильинской. Однако Ахшарумов и Ольгу принимает только в тот период ее «романной жизни», когда развиваются ее отношения с Обломовым, хотя и здесь у него возникают вопросы к автору романа. Ему представляется психологически неоправданной сама влюбленность Ольги в Обломова. «Конечно, можно многое простить Обломову за его искренность и мягкое сердце, и, пожалуй, еще за его оригинальность, – пишет Ахшарумов, – можно, пожалуй, любить его, как мы любим какую-нибудь добрую старуху; но чтоб он мог занять первое место в сердце девушки, только что начинающей жить, – это трудно понять. Для

этого нужны, пожалуй, не красота и не первая молодость; но все-таки какая-нибудь, хотя наружная энергия, а у Обломова нет никакой. Это пухлое, рыхлое, мягкое, как кисель, заспанное существо, от которого пахнет старым халатом и двойною периной, которое пыхтит и потеет, с великим трудом карабкаясь на пригорок вслед за Ольгой, избегающе туда шутя, этот слезливый добряк и простак с нежным взором, напоминающим Ольге умильный взгляд ее старой няни Кузьминишны, – какими чарами ослепил он глаза этой девушки, каким любовным напитком приворожил ее сердце? Много различных ответов находим мы в самом романе на этот мудреный вопрос; но ни один из них не решает наших сомнений и не освобождает характера Ольги Ильинской от какой-то загадочной двойственности его основного мотива» (617). Тем не менее, Ахшарумов находит в Ольге много привлекательных качеств, а в ее литературном портрете точных психологических деталей, объясняющих ее привлекательность для автора и читателя. Однако его отношение к Ольге, ставшей женой Штольца, однозначно неприязненное. В этой оценке вновь совмещаются эстетическая и этическая составляющие. Образ Ольги, считает критик, становится столь же схематичным, условным, как и Штольца, а ее желания и потребности почти не отличаются от стереотипных жизненных потребностей и представлений ее мужа.

Упреки автору романа связаны в статье Ахшарумова не только со схематичностью образов Штольца и Ольги. Критик пишет о растянутости отдельных фрагментов романа, особенно первой и последней частей; «необязательности» присутствия в нем ряда второстепенных персонажей, например, гостей Обломова в первой части романа. В случае, когда он высказывает критические замечания, Ахшарумов вновь ссылается на возможную реакцию читателя: «Читатель всегда готов спросить: да зачем же это интересное лицо рисуется так, чтобы в свою очередь служить средством для ясного и интересного абриса своей обстановки? Зачем все эти Волковы, Пенкины, Алексеевы и Судьбинские...?» (625). В целом же для его статьи характерна, скорее, автокоммуникация, отчетливо видная в многочисленных риторических вопросах, внутреннем диалогизме.

В статье Ахшарумова нет апологии обломовщины, однако он признает ее куда более привлекательной, чем тот идеал жизни, который олицетворяет собою Штолец. Уязвимость авторской позиции (при всей высокой оценке романа в целом) Ахшарумов видит в том, что Гончаров не смог «разделаться» с обломовщиной, ибо «стремился выйти из нее в чистую ее антитезу, в отвлеченный контраст» (622). «Мы не верим, чтобы для русского барина не было жизни помимо ее» (622), – заключает критик и в эпилоге статьи говорит о своем понимании того, какие люди нужны сегодня России. Ахшарумов не конкретизирует характера их деятельности, но явно опирается как на опыт

отечественной истории, так и на свое представление о будущем: «Нет, они были далеко не так робки и осторожны! Они часто ломали себе шею в напрасных попытках, плоды которых доставались другим; они гибли гордо и великодушно за общую пользу; они щедро проливали не каплю, а весь сосуд и пили нередко полную чашу горечи; но у кого повернется язык назвать их за это безумцами, сказать, что они не поняли нормального назначения человека, или, поняв, не исполнили? Нет, они были первенцы и избранники, они были люди в истинном смысле этого слова, и такие-то люди нужны нам теперь, а не эти гг. Штольцы с К°, нашествие которых пророчит нам г. Гончаров» (629). Заканчивая этим романтическим портретом статью о романе «Обломов», Ахшарумов – вольно или невольно – оказывается созвучен времени, эпохе 1860-х гг. с ее призывом к появлению деятельного героя. Однако у него свое представление об общественной активности, явно не совпадающее ни с революционно-демократическими призывами журналистов «Современника», ни с прагматическими установками эпохи, для которой тип «делового человека» был не менее актуален. И эта «своя» позиция, художественно-аналитическое прочтение «Обломова» позволяют рассматривать статью Н. Д. Ахшарумова как необходимое звено критической полемики по поводу романа И. А. Гончарова, а его критическое наследие в целом – как существенный компонент русского литературного процесса середины XIX века.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-04-00491).

Примечания

- ¹ Дружинин А. «Обломов». Роман И. А. Гончарова // Дружинин А. Литературная критика. М., 1983. С. 295.
- ² См. о нем: Майорова О. Ахшарумов Николай Дмитриевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь / редкол. : П. А. Николаев (гл. ред.) [и др.]. Т. 1. М., 1989. С. 130–132.
- ³ Ахшарумов Н. «Обломов». Роман И. А. Гончарова. 1859 // Русский вестник. 1860. Т. 25. С. 600. В дальнейшем статья Ахшарумова приводится по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- ⁴ См. об этом: Володина Н. Н. Д. Ахшарумов о романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вестн. ЧГУ. 2015. № 4 (65). С. 65–69; Ее же. Роман Л. Н. Толстого «Война и мир» в оценке Н. Д. Ахшарумова // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2016. Т. 22, № 4. С. 72–75.
- ⁵ Григорьев А. Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства // Григорьев А. Соч. : в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 21.
- ⁶ Лаврова С. Языковая личность Н. Д. Ахшарумова в семиотическом пространстве русской литературы второй половины XX века (к постановке проблемы) // Вестн. ЧГУ. 2015. № 4 (65). С. 103.
- ⁷ Эпикур. Письмо к Менекею. URL: <http://ancientrome.ru/antlitrt.htm> (дата обращения: 06.11.2016).
- ⁸ Герцен А. Кто виноват? // Герцен А. Собр. соч. : в 30 т. Т. 4. М., 1955. С. 155.
- ⁹ Ушаков Д. Большой толковый словарь современного русского языка. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-80754.htm> (дата обращения: 06.11.2016).
- ¹⁰ Дружинин А. Указ. соч. С. 305.

Образец для цитирования:

Володина Н. В. Н. Д. Ахшарумов о романе И. А. Гончарова «Обломов» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 58–63. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-1-58-63.

Cite this article as:

Volodina N. V. N. D. Akhsharumov on the Novel by I. A. Goncharov *Obломov*. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 58–63 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-7663-2017-17-1-58-63.